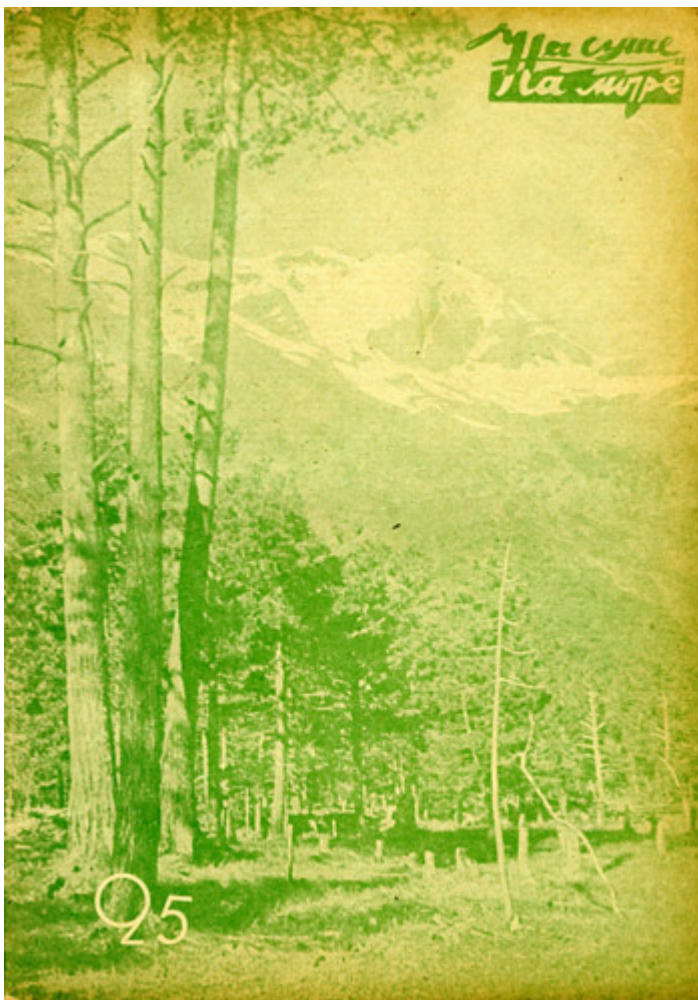

Воробьев В. Против индивидуализма. За победу коллектива в туристском путешествии. На суше и на море, Молодая гвардия, №25, 1931 г.

28 июня московский турист Н.В. Зельгейм, работавший в текущем сезоне экскурсоводом на базе в Тегенекли, один, без спутников отправился на вершину Эльбруса.

После его ухода с Кругозора начался снегопад. Через два дня, тщетно прождав возвращения Зельгейма, зав. базой на Кругозоре тов. Григорьев, несмотря на снег и бурю, отправился на розыски.

В будке на «Приюте одиннадцати» он нашел рюкзак Зельгейма с запиской, заключавшей просьбу: в случае, если владелец рюкзака почему-либо не вернется, отправить вещи и деньги в Москву и сообщить родным.

Не задерживаясь на «Приюте одиннадцати», тов. Григорьев направился далее. На седловине он нашел бинокль Зельгейма и следы, идущие по направлению к восточной вершине. Несмотря на темноту и вьюгу, тов. Григорьев уже в полночь поднялся на вершину и с фонарем в руках обошел ее всю. Поиски его однако не увенчались успехом, и он ни с чем вернулся на Кругозор, проведя в снегу и льдах без сна и еды больше суток.

Зельгейм пропал без вести. Была некоторая надежда, что может быть он выйдет в Карачай, т.е. спустится на северную сторону Эльбруса, но он не спустился.

Прошло несколько дней. На седловину поднялась группа участников лыжной экспедиции, поднимавшейся на Эльбрус под руководством тов. Конопасевича. Предполагая ночевать на седловине, они стали искать удобного места для ночлега. Такое место им удалось найти, но оно оказалось занятым: здесь спал вечным сном, забившись в спальный мешок, полусасыпанный снегом Зельгейм.

Замерз ли он, заснув в холодную вьюжную ночь в своем спальном мешке? Умер ли он от истощения, не дождавшись конца снежной бури? Оборвал ли нить его беспокойной жизни неожиданный разрыв сердца? Ответа на эти вопросы нет. Да и вряд ли мы его будем иметь. Несомненно одно — смерть шла по пятам Зельгейма уже не один год, и Зельгейм погиб потому, что он был один и в одиночку был бессилен бороться с холодом и снегом.

Статистика всегда неумолима; она говорит, что большая часть несчастных случаев в горах приходится на туристов-одиночек.

Гибель Зельгейма — это лишняя единица в сухих, но многоговорящих данных статистики о смертных случаях в горах.

Для горной секции ЦС ОПТЭ гибель Зельгейма не является неожиданностью. Мы отлично знали Зельгейма, были убеждены, что рано или поздно он кончит плохо, и в один голос предупреждали его о возможности несчастья, если он будет ходить в горы один. Наши предупреждения не произвели на Зельгейма никакого впечатления. И сейчас нам остается одно—извлечь все возможные уроки из трагедии, разыгравшейся на снежных полях Эльбруса.

Случайно я знаю Зельгейма лучше многих моих товарищей по горному туризму. Познакомились мы с ним в 1928 году на «Приюте одиннадцати», когда он спускался с вершины после первого своего восхождения на нее, а я на нее поднимался. С тех пор мы много раз встречались, беседовали, спорили. Зельгейм дал мне прочесть свои дневники, которые он вел во время своих странствований. Эти беседы и дневники дали мне совершенно отчетливое представление о личности и душевном складе этого своеобразно и уродливо скроенного человека, всеми корнями своего существования уходящего в далекое, гнилое прошлое.

Зельгейм не новичок в горном туризме. Добрый десяток лет подряд он каждое лето отправлялся бродить в горы. Начал он с малого—с того, с чего начинали многие из нас: с Крыма, Сухума, с Нового Афона. Горы неудержимо влекли его к себе, и он поднимался на них с каждым годом все выше и выше. Сперва Зельгейм переходил легкие, доступные каждому перевалы, потом — перевалы потруднее. Одолев ряд очень трудных перевалов, Зельгейм направил свой путь к горным вершинам. В короткий сравнительно срок он прошел все нанесенные на пятиверстку перевалы центральной части Главного кавказского хребта и совершил восхождения на Казбек, Лайлу, Уилпата-тау, Эльбрус. У Зельгейма огромный туристский стаж, и это все, что можно сказать в его пользу над его могилой.

Зельгейм ничего не дал туристскому движению. Накопленный им во время путешествий по Кавказу опыт, приобретенные им

знания перевалов, путей по ледникам к вершинам он унес с собой в ледяную могилу.

Почему? Потому что Зельгейм был турист-одиночка. Его пути не были путями пролетарских туристов. Он не умел, да и не хотел работать с кем-либо рука об руку. Он не умел делиться с другими радостями и трудностями туристских путешествий в горах. Он сторонился туристского коллектива, рассматривая нашу работу в Горной секции как смешную, никому не нужную суету. Правда, мы часто видели его на собраниях нашей секции, но ни разу не слышали его выступлений. Он не находил или не хотел найти слов, чтобы помочь начинающим туристам выбрать интересный маршрут, сделать правильный его расчет.

Одиноким и молчаливым, он проходил с одного перевала на другой, избегая людей и заходя в селения только для того, чтобы устроиться на ночлег или раздобыть продовольствия. Кроме этого в селениях его ничто не интересовало: ни экономика района, который он проходил, ни особенности быта людей, с которыми ему приходилось общаться. Он равнодушно проходил мимо того, что в первую очередь останавливает на себе внимание пролетарских туристов. Социалистическое строительство, развернувшееся в городе и деревне, не возбуждало в нем интереса.

Восхождения на перевалы и вершины были для него самоцелью. Он любил с высоких снежных вершин любоваться величественной панорамой горных хребтов, чувствуя себя при этом попирающим весь суетливый и шумный мир с его страстями, классовой борьбой. Взойдя на вершину горы Уилпата-тау, Зельгейм два дня дрожал от холода, забившись в снежный сугроб, в ожидании прояснения, чтобы полюбоваться замечательным видом с этой вершины.

Ни с кем не советуясь, один он ставил перед собою ту или иную задачу и добивался ее разрешения с упорством, достойным лучшего применения. В 1929 году он решил взойти в один день на обе вершины Эльбруса. И взойшел, причем ради этого ему пришлось провести на Восточной вершине длинную и морозную августовскую ночь.

Ни с кем не делясь своим опытом, путешествуя всегда в одиночестве, он естественно не мог воспринять и опыта других туристов. Немудрено, что он не раз открывал уже открытые «Америки» (вроде, например, спального мешка), бесконечное множество раз сбивался с правильной дороги на перевалы, делал понапрасну лишние утомительные концы. Он не имел возможности усвоить даже азбуку техники горовосхождения. До последних своих дней он не умел как следует владеть ледорубом, пользоваться кошками и ни разу не держал в руках альпийской веревки.

Это не мешало ему, однако, направляться туда, куда не решались идти даже опытные альпинисты: он сплошь и рядом не отдавал себе отчета в том, какие опасности его ожидают на трудных переходах. И только исключительно счастливой случайностью можно объяснить то, что смерть настигла его в горах только в 1931 году, а не двумя-тремя годами раньше.

Однажды он заблудился на Латпарском перевале, вынужден был лезть по скалам в густом тумане, имея чрезвычайно смутное понятие о скаловой технике, сорвался и был на волосок от гибели. При восхождении на Лайлу он потерял одну кошку, покатился вниз по ледяному откосу и уцелел лишь благодаря случаю. Не разузнав как следует дороги через один из труднейших перевалов на Кавказе — Дыхни-Ауш, он запутался благодаря туману и забрался в такое место, откуда не мог найти выхода. Пять дней он сидел тут на каменном выступе над пропастью, ожидая улучшения погоды, под проливным дождем и без продовольствия, поддерживал силы сосанием пустого мешка из-под сухарей. На его счастье дело обошлось без сильного ночного мороза, который неизбежно превратил бы его в сосульку. В верховьях ледника Безинги, спускаясь по крутому снежному склону, Зельгейм оступился и упал, увлекая за собой целую лавину снега. Лавина сбросила его в трещину. Случаю угодно было, чтобы одна рука у Зельгейма осталась не засыпанной снегом, и он получил возможность разгрести вокруг себя снег. На это ушло несколько часов, в течение которых плотно засыпанные мокрым снегом ноги у него успели заоченеть. Кое-как добрался он до ближайшего коша, где ему оказала помощь случайно проходившая туристская группа. Результат: двухмесячное лежание на больничной койке и ампутация пальцев ступни.

Все эти уроки пропали для Зельгейма даром. Уже на следующий год после катастрофы на Безинги Зельгейма чуть живого подобрали в снежную вьюгу у порога приюта ОПТЭ на Эльбрусе. Снова он был на волосок от смерти и уцелел совершенно случайно.

Пропал и этот урок. Снова один отправился Зельгейм в трудное из-за неблагоприятной погоды восхождение. Печального урока этого последнего восхождения Зельгейм не усвоил. Приходится сейчас говорить о том, чтобы этот урок не пропал даром- для других.

Мы говорим пролетарским туристам: не берите примера с Зельгейма. Зельгейм — это отрывка старого, это одно из проявлений буржуазного влияния в нашем молодом туристском движении.

Пролетарский туризм предполагает дружную работу сплоченного коллектива. Пролетарский туризм бьет по индивидуализму, воспитывает коллективистические навыки. В рядах пролетарских туристов нет и не может быть места одиноким, бегущим в заоблачные выси от человеческого общества бродягам, подобным Зельгейму. В рядах пролетарских туристов нет места людям, которые ничего, как Зельгейм, не дают обществу, не помогают коммунистической партии и советской власти строить в нашей стране социализм.

Мы решительно отвергаем голую погоню за количеством победенных вершин, погоню за нелепыми, никому не нужными рекордами.

Трагическая гибель Зельгейма учит нас, как не следует организовывать путешествия в горы. Нельзя пренебрегать элементарными правилами горовосхождения. Это пренебрежение техникой сойдет с рук может быть один раз, может быть два, но без конца оно сходить с рук не может. Нельзя в опасный путь пускаться одному без надежного охранения веревкой. Нельзя идти на штурм мощных и трудных ледопадов, как это делал Зельгейм на Караугоме, не владея как следует техникой хождения на кошках и техникой ледорубной работы. Нельзя подвергать себя риску

замерзнуть, лезть для ночлега непременно на такую высоту, где еще никто никогда не ночевал. Нельзя, наконец, идти на несколько дней в мертвую ледяную пустыню с одним куском сахара и парой пресных чуреков, как это делал Зельгейм.

Все поведение Зельгейма, начиная от его способа добывать продовольствие путем попрошайничества и кончая его нежеланием работать с коллективом, встречало всегда резкий и решительный отпор со стороны туристской общественности. Не восхищение, а недоумение вызывали у наших туристов рассказы о «подвигах» Зельгейма.

Зельгейма не стало, добьемся, чтобы не стало в нашем движении и зельгеймовщины!